

Минеева Елена Константиновна

д-р ист. наук, профессор, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРУДНОСТИ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИЙ)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы национальной политики советской власти, одним из которых стал процесс коренизации, проходивший в 1920-е гг. в различных многонациональных регионах РСФСР. На основе источников выявляются трудности проблемы коренизации. В качестве примера взяты Марийская и Чувашская автономии, в которых сложности изучаемого автором процесса представлены достаточно наглядно. Материал статьи приводит к выводу, что коренизация являлась одним из важных направлений советской национальной политики, который в 1920-е гг. так и не был реализован и завершен.

Ключевые слова: коренизация, национальная политика, советская власть, автономии, многонациональный регион.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17–46–210691 р_а.

Система современного образования России, в том числе высшего, опирается на историческое прошлое. Октябрьская социалистическая революция, 100-летие со дня которой отмечается в настоящем 2017-м г., заложила основы советской системы образования со своими принципами, теоретическими постулатами и нравственными ценностями. В полиэтническом регионе многонациональной России образование, как и вся духовная культура, было напрямую связано с национальной политикой советской власти, одним из направлений которой в

1920-е – середине 1930-х гг. являлась коренизация. Содержание понятия включает вопросы перевода делопроизводства институтов и учреждений на родной язык нерусских народов. Коренизация также предполагала подготовку национальных кадров и приобщение их к активной политической, социально-экономической, культурной жизни страны.

До создания автономий вопросами развития народов занимались губернские, уездные и волостные советы депутатов, Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос) и их подразделения на местах. После формирования автономных единиц вся деятельность по коренизации как титульных народов, так и этнических меньшинств на их территории сосредоточилась в аппарате управления автономных образований, действовавших под руководством специально создававшихся в этих целях центральных государственных учреждений.

Постановление исполкома Чувашской автономной области (ЧАО) «О реализации чувашского языка» от 26 января 1922 г. так объясняет её необходимость: «В основу образования Чувашской области была положена мысль о необходимости приспособления советского аппарата к местным национальным и бытовым особенностям края при посредстве введения чувашского языка в качестве государственного во всех местных учреждениях, школе и суде» [11]. Борьба за коренизацию имела для советской власти существенное значение, играя роль тактической задачи. Только путём перевода делопроизводства, школьного образования, литературы на родной язык народа возможно было вложить советскую идеологию в умы и психологию нерусских этносов.

Не случайно необходимость осуществления мероприятий по коренизации была признана уже первым, а также последующими областными съездами Советов ЧАО. Стенографические отчёты показывают, что участники съездов и конференций, обсуждая регламент, принимали специальные решения в отношении языка (русского или чувашского), на котором основные докладчики должны были представлять свои сообщения. Так, на четвёртом областном съезде Советов

с мест было предложено сделать доклад о деятельности облисполкома на русском языке, на что председательствующий ответил: «на пороге 4-го года существования ЧАО нам пора научиться делать доклады на родном языке» [4, л. 7]. Тем не менее голосование показало, что большинство (30 человек) высказалось за русский язык, что свидетельствовало о длительности процесса «реализации» языка, осуществлявшегося в автономии. Постановление облисполкома гласило: «Ввести чувашский язык в качестве государственного и обязательного во всех местных государственных и кооперативных общественных учреждениях; преподавание в чувашских школах ввести на родном языке; судостроение и судопроизводство для национальных масс ввести на чувашском языке; создать возможность почтовых, телефонных и телеграфных отношений в пределах области на языке коренной национальности. Практическое осуществление настоящего постановления должно войти в силу с 1 марта 1922 г.» [5, л. 2].

Действовавшая на территории области комиссия по реализации чувашского языка создала специальную инструкцию, обязательную для исполнения всеми исполкомами, учреждениями и предприятиями автономии. В ней настоятельно было рекомендовано официальные бумаги, исходившие как от государства, так и от частных лиц, оформлять на родном языке большинства населения области. В пределах ЧАО становилось необходимым использование печатей и штампов, кроме того, написание названий (селений, дорог, пристаней, станций, улиц, организаций и т. п.) на русском и чувашском языках, а для всех областных, уездных и волостных организаций становился обязательным приём обращений на чувашском языке [6, л. 3]. Отсутствие специальных руководств по делопроизводству на языке титульного этноса становилось существенным тормозом в деле, в связи с чем комиссия в сентябре 1924 г. приступила к разработке практических рекомендаций.

Для реализации этих и других установок государства требовались национальные кадры, которые могли бы возглавить различные по специальности институты и учреждения области. В городах возникла востребованность в служащих, владевших чувашским языком, поскольку многие работники его не знали.

Поэтому комиссия организовала открытие нескольких школ и курсов по его изучению. Стремясь к ускорению процессов коренизации, комиссия неоднократно обращалась в центр с ходатайствами о помощи в разработке чувашского шрифта в целях его использования на пишущих машинках, в самих машинках для использования их на местах. Проводимые совместно с центром мероприятия имели свои результаты. К моменту преобразования ЧАО в Чувашскую автономную советскую социалистическую республику (ЧАССР) представители коренной национальности в центральных учреждениях Чувашии составляли 40, а в уездных и волостных организациях – 65% [17, с. 72].

Первая Конституция ЧАССР, принятая в 1926 г., ставила задачу полного введения чувашского языка во всех государственных и общественных организациях и учреждениях [7, л. 11]. Государственными на территории автономии основной закон республики признавал чувашский и русский языки. Несмотря на смену статуса, проблема коренизации в Чувашии продолжала оставаться одной из наиболее важных и сложных. Далекое не все предлагавшиеся автономиям со стороны центра возможности они могли использовать. Докладная записка по обследованию чувашского народа с точки зрения подготовки специалистов через вузы страны в 1928 г. доказывает, что прежде всего не хватало элементарно образованных людей, способных поступить в высшую школу и обучаться в ней. Так, из 12 представителей, командированных с мест в высшие учебные заведения Ленинграда, поступило только 3, из 49 направленных в вузы Казани – 22 человека [13, л. 6]. В целом 41% поступления в высшую школу – низкий показатель, не оправдывавший нормы резервирования и разрядки в учебные заведения мест специально для выходцев из автономий.

Другой трудностью в общем процессе коренизации являлось не всегда адекватное отношение к данной проблеме в центре. Не случайно бюро обкома ВКП(б) ЧАССР на секретном совещании 20 сентября 1927 г. постановило: «Необходимо констатировать формальное отношение со стороны большинства центральных органов по осуществлению намеченного плана коренизации» [8, л. 3]. Одним из проявлений указанного отношения стала регулярная задержка

со стороны Наркомпроса выплаты стипендий, что не давало возможности студентам, уже поступившим и обучавшимся в вузах, продолжать учёбу [9, л. 10]. Если раньше Наркомнац, обладая достаточно широкими правами, аппаратом управления и прямым выходом в СНК РСФСР, реально мог решать подобные вопросы, то теперь автономиям приходилось преодолевать такого рода трудности через представительство и отдел национальностей ВЦИК. Данный путь был более длинным и менее эффективным.

В Марийской автономии коренизация осуществлялась ещё медленнее, прежде всего по причине меньшей в процентном отношении, чем в Чувашской автономии, численности титульного этноса в общем составе населения (в 1920-е гг. чувашей в ЧАО – более 80%, а мари в МАО – чуть более 50%). Не последнее место занимала отсталость народа и его русификация, что тормозило реализацию политики коренизации. На протяжении первой половины 1920-х гг. в государственных органах власти Марийской области имели место конфликтные ситуации на национальной почве. После обвинения в 1921 г. председателя облисполкома МАО И. П. Петрова в национализме он обратился в Марийское Центральное бюро при ЦК РКП(б), стремясь привлечь внимание к засилью русских в аппарате управления области. В докладной записке он отмечал, что ответственные руководители автономии состояли только из русских. К таким учреждениям Петров в первую очередь относил областную чрезвычайную комиссию (ЧК) по борьбе с контрреволюцией, имевшей властные полномочия. По убеждению автора обращения, ЧК – институт, наиболее тесно соприкасавшийся с местным населением. Поэтому в его работе возникала необходимость учёта культурных, бытовых и психологических особенностей мари. Как отмечал Петров, отсутствие представителей местного населения в ЧК области, на основе чего возникали нежелательные недоразумения, «дискредитировало советскую власть» [12, л. 36].

В целях разрешения сложной для национально-территориального образования проблемы при катастрофической малочисленности этнических кадров пред-

седатель облисполкома настаивал на мобилизации всех тех, кто работал на ответственных должностях за пределами автономии. Подобные меры принципиально изменить ситуацию в то время не могли. Требовалась целенаправленная программа действий на перспективу по созданию собственных профессиональных кадровых сил. Тем не менее, постепенно процент включения в состав руководящих работников представителей титульного народа в МАО увеличивался. Так, коренизация в аппарате управления области к 1929 г. достигла 49% [1, л. 15].

Следовательно, работа в этой сложной сфере приносила свои плоды, но не столь значительные, как планировалось первоначально (при создании автономии). В связи с политикой коренизации в образовательной системе Марийская автономия в 1926 г. в качестве эксперимента ввела в Сернурском, Мари-Турекском и Моркинском кантонах переписку по линии народного образования с учреждениями АО на марийском языке. Однако данную проблему одним волевым решением преодолеть было невозможно. Не случайно облисполком на правах отдела учредил специальную комиссию, на которую возлагалось «руководство, направление и наблюдение за работой по практическому проведению в жизнь национализации аппарата, разработка мероприятий по реализации языка и проведение их в законодательном порядке» [2, л. 1]. В феврале 1925 г. президиум облисполкома, заслушав доклад заведующего областным отделом народного образования о частично проведённой работе по реализации марийского языка и о предстоящих действиях в этой области, постановил: «Распустив комиссию по разработке материала по реализации маряззыка, образованную постановлением президиума 8 августа 1924 г., организовать при облисполкоме постоянную комиссию в составе Эшкинина, Андреева, Мендиарова, Кудрявцева» [10, л. 26].

Процессы коренизации тормозились рядом причин. Малочисленность средств и этнических кадров, отсутствие литературы на родном языке – общие трудности, характерно проявлявшиеся в работе всех автономий. Но действовали и такие, которые выделялись своей спецификой. Одним из подобных препятствий стало создание оптимальной для всего народа формы языка, а затем уже

перевод на него всего аппарата автономных образований. Бытовой и литературный языки – не одно и то же, тем более что разница между субэтносами и диалектами одного этноса неизбежно существовала. Не случайно в 1928 г., несмотря на работу по коренизации в предыдущие годы, в докладе о проведении в жизнь решений девятой областной партийной конференции по национальному вопросу пленум обкома ВКП (б) МАО констатировал, что «должна быть создана гармония между языком литературным и бытовым, между луговыми и горными мари» [3, л. 61]. В целях формирования такого языка пленум настаивал на образовании следующей специальной комиссии, которой рекомендовалось представить план реализации марийского языка к пятому областному съезду Советов. Следовательно, если в 1920–1927 гг. педагогический персонал, качественный состав работников за счёт марийцев в различных учреждениях начал расти, то перевод делопроизводства на марийский язык осуществлялся медленно и слабо.

Таким образом, советская власть в 1920-е гг. взяла курс на проведение политики коренизации, которая имела как объективные (создание РСФСР по национально-территориальному принципу), так и субъективные (политические цели) причины. Однако многочисленные трудности на этом пути не позволяли решать указанную проблему быстро и эффективно, в результате чего она продолжала составлять одно из главных направлений деятельности в последующие 1930-е гг. не только Советского государства в целом, но и конкретных автономий РСФСР [14–16].

Список литературы

1. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 796.
2. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 427.
3. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 315.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 21.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 1118.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 251.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 221.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 221.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 3. Д. 3.

11. Постановление исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О реализации чувашского языка» // Чувашский край. – 1922. – №25 (126). – 14 февраля.

12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 35.

13. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 221.

14. Минеева, Е.К. Деятельность Наркомнаца РСФСР и его отделов в национальных районах Среднего Поволжья по подготовке и коренизации специалистов в первые годы советской власти / Е.К. Минеева // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2007. – №3 (55). – С. 112–119.

15. Минеева, Е.К. Экономическая и культурная политика Чувашии в 20–30-е годы XX века / Е.К. Минеева // Вестник Чувашского университета. – 2008. – №3. – С. 43–53; №4. Гуманитарные науки. – С. 82–93.

16. Минеева, Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20–30-е годы XX века: Дис. ... д-ра ист. наук / Е.К. Минеева. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2008. – 48 с.

17. Тимофеев, В.Г. Осуществление политики коренизации аппарата правоохранительных органов Чувашии (1920 – 1936 гг.) / В.Г. Тимофеев // Из истории Чувашии советского периода. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1991.